УДК 94(47).084.8
DOI 10.24411/2311-603X-2019-00052

Е. Д. Твердюкова

Советский делопроизводственный канон в автобиографиях руководителей блокадного Ленинграда*

При изучении феномена руководства блокадным Ленинградом серьезную исследовательскую проблему составляет реконструкция путей социализации и самореализации людей, не связанных кровными узами, но оказавшихся в силу исторических условий в замкнутом пространстве города. Формализованные анкетные листы и листки по учету кадров, заполнявшиеся каждым гражданином в процессе трудовой деятельности, подходят для воссоздания хроники событий из жизни ленинградских управленцев, но мало могут помочь при анализе их карьерных стратегий. Между тем для создания коллективного портрета, как справедливо указывала Л. П. Репина, биографии следует изучать «в динамике»: развернутая характеристика личности требует учета эмоционально-психологического, социального и интеллектуального опыта индивида, обусловленного предшествующей историей его жизни[1]. В своей статье мы пытаемся определить, можно ли почерпнуть соответствующую информацию из автобиографий тех, кто занимал ответственные посты в ленинградском руководстве в период блокады города.

Автобиография — это рассказ человека о себе, событиях своей жизни, приобретенном опыте. Один и тот же термин используется в отношении и мемуарных свидетельств, и служебных документов. Несмотря на ряд сходных черт (написание, как правило, по памяти, фактология, касающаяся жизненной канвы автора, оценочность суждений), между ними имеются существенные различия. Для автобиографических записок характерна бóльшая пространность изложения, свобода при отборе фактов; адресованные широкой публике, они пишутся без оглядки на негативные последствия, которые могут возникнуть при выявлении ошибок в изложении или сознательного умолчания о некоторых

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Исследование взаимодействия структур власти и управления и механизмов принятия управленческих решений в Ленинграде в период блокады и обороны города. 1941–1944 гг.», № 19-09-00369.

обстоятельствах жизни автора. Всё это может быть легко списано на субъективность таких свидетельств, присущую источникам личного происхождения. Автобиографии — делопроизводственные документы — имеют официальное назначение, чем обусловлена их краткость, схематичность и наличие сведений, большинство из которых подлежат обязательному включению в автобиографический текст[2].

«Лингвистический поворот» в социогуманитарном знании проявился в публикации работ, в которых составители служебных автобиографий рассматриваются не как реальные исторические акторы, а как литературные персонажи. В частности, по мнению профессора Тель-Авивского университета Игала Халфина, «коммунистическая автобиография не позволяет однозначно утверждать, каким в действительности был писавший ее индивидуум, она рассказывает о том, каким он надеялся стать»[3]. По его мнению, интересно не то, что происходило с человеком, а то, как он это описывает. Доктор исторических наук Ю. П. Зарецкий также предлагает обращать особое внимание на форму подачи рассказчиком сведений о себе и (особенно) на избирательность этих сведений: почему он упоминает одни факты и опускает другие[4]. Думается, что сам по себе такой подход недостаточно продуктивен, ибо существенно снижает информационный потенциал источника. Необходимо всё же подвергать анализу оба пласта текста — и личностно-субъективный, и фактологический.

Мы изучили около 40 автобиографий, которые можно охарактеризовать как документы информационно-биографического характера служебного назначения, отложившиеся в личных делах ленинградских управленцев. Хотя составлялись они в свободной форме, обычно в них освещались те же вопросы, что и в анкетных листах или листках по учету кадров, что позволяет говорить не только о формализации содержащихся в них данных, но и о складывании своеобразного делопроизводственного канона. Его становлению способствовали издание специальных инструкций по написанию автобиографий, а также приобретаемый человеком в течение жизни опыт по использованию словесных клише в ходе заполнения различных анкет (при зачислении на учебу и на работу, вступлении в общественные организации, привлечении к ответственности и пр.).

В одном из личных дел была обнаружена «Памятка по составлению биографии»[5], в которой приводился пространный перечень вопросов, подлежащих обязательному освещению. Условно этот перечень можно разделить на несколько смысловых блоков.

Первый составляли социально-биографические сведения: дата и место рождения, семейное положение рассказчика, информация о его ближайшем окружении: сословие (звание) родителей и род их занятий, сведения о супруге и других членах семьи (братьях, сестрах, взрослых детях). Родители (прежде всего отец) упоминались в автобиографиях в контексте социального происхождения автобиографа: «отец с 1904 по 1934 год работал на железной дороге (ст[анция] Петропавловск Омской железной дороги) смазчиком вагонов, слесарем, истоп-

ником вагонов» (П. Г. Лазутин), «отец мой работал стрелочником и сцепщиком поездов на железной дороге» (И. А. Андреенко), «родился я в 1902 году в семье рабочего-грузчика» (А. И. Фельдман)[6] и т. п.

В случае несоответствия статуса родителей социально одобряемым типажам авторы либо «приписывали» им характеристики, опровергающие «чуждость» советскому строю, либо дистанцировались от них. Например, А. М. Белецкая, чья мать работала врачом, специально оговаривала, что частной практикой та не занималась[7]. В. Г. Куцентов, родившийся в семье крестьянина-середняка, сообщал о невысоком его материальном благосостоянии: «<...> хозяйство отца состояло из двухдушевого надела земли, двух коров и одной лошади. Детей у родителей было 8 человек»[8].

К. Н. Гуляева, указавшая в анкете, что родилась в семье старшего приказчика пивной лавки, одновременно и оправдывала отца (говоря о его бедняцком происхождении), и обвиняла: «Отец — выходец из Рязанской губ., бедняк, приехал в Петербург после армии, поступил на завод пивоваренный рабочим, потом перешел в казенную пивную лавку, сделавшись ст[аршим] приказчиком, спился, бросил семью и навсегда ушел в 1905 году, оставив семью без всяких средств»[9].

Пункт о сословии (звании) родителей являлся одним из самых проблемных с точки зрения достоверности, но интереснейших с точки зрения самоидентификации составителя автобиографии. Классовая принадлежность, по мнению советолога Ш. Фицпатрик, служила главным компонентом советской идентичности и автобиографической картины[10]. Те, кто не мог козырнуть пролетарским происхождением, выступавшим, очевидно, синонимом лояльности советскому режиму, прибегали к причудливым формулировкам: «воспитывался в семье полурабочего-полукрестьянина» (П. С. Попков[11]) или «социальное положение и происхождение родителей — крестьяне; отец работал на заводе в г. Рыбинске и официантом в г. Ленинграде» (Н. А. Коновалов[12]). Разобраться в хитросплетениях семейной истории В. В. Антонова, указавшего в анкетном листе, что он происходит «из мещан, сын рабочего», было бы сложно, если бы не разъяснение в тексте автобиографии: «Мой дед по отцу был музыкантом в Кронштадтском военном порту, а другой дед со стороны матери, Михаил Круглов, был машинистом на железной дороге. Отец мой, умерший в 1918 г., был рабочий винодел во французской фирме Ф. Рауль в Ленинграде»[13].

Сомнения в достоверности указанных сведений могли повлечь за собой разбор персонального дела в ходе партпроверки или вступления в ВКП(б). Так, указание на крестьянское сословие М. В. Басовым (наличие крестьянских корней также рассматривалось как норма), при том что мать его в дореволюционное время заведовала винной лавкой, в ходе чистки 1931 г. было расценено как сознательное сокрытие социального происхождения. От негативных последствий его спасло наличие справки, согласно которой после революции М. М. Басова занималась хлебопашеством, а весь сельскохозяйственный инвентарь и лошадь передала в колхоз «Батрак»[14].

Думаю, что значимость классовой принадлежности в советской действительности 1930-х гг. не стоит преувеличивать. В отличие от первых лет советской власти, она перестала выполнять роль своего рода фильтра для отбора кандидатов на руководящие должности и могла при случае стать поводом для обвинений в чужеродности, но не их причиной. И составители автобиографических текстов, и работники кадровых служб воспитывались в одной социальной среде и одинаково владели нормами делопроизводственного канона, понимая условность сведений такого рода.

К компрометирующим сведениям, которые требовали пояснений в автобиографии, относились данные о наличии проживающих за границей родственников. В этом случае требовалось уточнить, поддерживает ли составитель документа с ними связь (личную, письменную или иную). Вот как этот сюжет был описан В. Н. Сусляковым: «В семье у нас было 4 брата и одна сестра. Старший брат умер в 1901 г., средний брат был призван в империалистическую войну на фронт, и с 1916 года о нем не было никаких известий, считали его погибшим, а в 1947 году я получил от него письмо, где он пишет, что разыскать мой адрес помог ему полпред Сов. Союза во Франции т. Емельянов и что он, брат, живет недалеко от Парижа, местечко Кламар, шьет непромокаемые плащи. Является секретарем о[бщест]ва советских граждан, имеет советский паспорт и готовится приехать в Россию в апреле–мае 1948 г.»[15].

Период детства в советских делопроизводственных документах специально не артикулировался. Чаще всего автобиографы обращались к своим детским годам в контексте характеристики бедственного положения своей семьи или принадлежности к дискриминируемым слоям общества: «Родился в семье мелкого торговца красками 27 сентября 1895 г. в г. Витебске. Семья у отца была большая, работали много, но жили стесненно — из-за невзноса платы за ученье в гимназии не раз приходилось прерывать учебу. С 3-го класса гимназии стал давать уроки. Уроками занимался до 4-го курса медицинского факультета, когда стал получать государственную стипендию»[16]; «Отец мой мечтал об образовании для детей в виде безысходности еврейской жизни того времени в черте оседлости... Для достижения намеченной цели отец переменил работу, переехал с семьей в г. Ровно, где имелось Реальное училище, [в] 9 лет я держал конкурсный экзамен в это училище, но не был принят вследствие отсутствия денег, связей и особенно как еврей. Через год я выдержал на “отлично” экзамен в гимназии в г. Остроге и случайно был принят в первый класс. Нелегко давалась мне учеба. С одной стороны — материальные затруднения, с другой — шовинистически настроенные ученики и педагоги, особенно дети польских панов — всё это угнетало морально, вызывало чувство глухого протеста и воспитывало ненависть к царскому режиму»[17].

Рассказы о тяжелом детстве в царской России примыкали к следующему проблемному блоку, присутствующему в каждой автобиографии — описанию профессионально-трудовой деятельности, начинавшемуся с указания возраста,

когда составитель документа начал самостоятельно работать. Так, П. С. Попков, родившийся в 1903 г., указывал, что «работать начал с 9-ти лет, т.е. с мая 1912 г., был отдан в батраки (подпаском общественного скота) в деревню Орефино Киржачского уезда Владимирской губернии. В 1913 и 1914 гг. работал батраком в селе Дальнее Фетинино Александровского уезда Владимирской губернии, а в 1915 г. работал батраком в деревне Каменка Владимирского уезда и губернии. В ноябре 1915 г. по вызову отца переехал жить в г. Владимир, где в декабре 1915 г. поступил в частную пекарню Чирикова, в которой проработал подручным пекарем до 15 января 1917 г., т.е. до закрытия булочной»[18].

Столь ранний переход из социальных иждивенцев в разряд трудящихся являлся вариантом социально поощряемой нормы и потому акцентировался автобиографами. А вот в рассказе о своем образовании они обычно ограничивались простым указанием на то, где и когда учились, лишь изредка поясняя эти факты своей жизни. Более или менее пространные объяснения пребывания в том или ином учебном заведении характерны в основном для текстов, в которых шла речь о дореволюционном периоде. Например, для Д. М. Паллерштейна весь его трудовой путь был обусловлен невозможностью получить желаемое образование в царской России: «В 1909 г. я окончил гимназию с золотой медалью. Утомленный резкими проявлениями глубокого антисемитизма в период гимназической жизни, я мечтал о моральном отдыхе в вузе, но попасть туда было нелегко. Я хотел быть инженером, но для этого надо было держать конкурсный экзамен и в условиях суровой процентной нормы для евреев. Я послал бумаги в два политехникума (Петербург, Новочеркасск), где прием производился по конкурсу аттестатов, но получил отказ. Из чувства протеста против враждебного отношения мракобесов к возможности получения евреями высшего образования я решил поступить в Киевский университет на физико-математический факультет с целью последующего перехода в Политехнический институт. Год я провел на физико-математическом факультете, сдал ряд зачетов; в это время министерством народного просвещения был издан циркуляр, запрещающий переход евреев с математического факультета в политехнический институт — мне пришлось перейти на медицинский факультет»[19].

Даже в случае краткого изложения рассказчиком фактов своего профессионального становления автобиографический текст может дать информацию о причинах учебной и трудовой мобильности, в том числе когда стандартизированные ответы из других документов по личному составу не позволяют понять перемещения по служебной лестнице. Например, В. А. Тарасова, командированная в ноябре 1941 г. Ленгорисполкомом в Челябинский облздравотдел для надзора за медобслуживанием эвакуированных из Ленинграда детей, так объясняла свое последующее увольнение с руководящей должности в Московском главке: «В 1943 г. переведена в Министерство здравоохранения СССР, где работала вначале инспектором, а затем нач[альником] Отдела детских больниц, поликлиник и консультаций. Работая в Москве, я всё время стремилась

вернуться домой в Ленинград и в 1945 г. получила перевод в ноябре месяце и вернулась на работу в Ленгорздравотдел»[20].

Как свидетельствуют документы, сфера личного усмотрения при выборе места работы ленинградскими управленцами была узка. Вот как, например, выглядела трудовая биография С. А. Трифонова: «По выдвижению уездкома работая секретарем гор. ячейки, я с данной работы был отозван у[езд]комом на работу председателя бюро б[ывших] пионеров, по личной просьбе был Бюро у[езд]кома ВЛКСМ отпущен на кооперативную работу, был командирован учиться на губернские кооперативные курсы, коллективом ВКП(б) института потребкооперации был отозван с учебы на 1 год и поставлен на работу директором Ленинградского техникума Севзапсоюза, Обкомом ВКП(б) был переброшен на работу начальником отдела подготовки кадров Севзапсоюза, был освобожден по собственному желанию и назначен директором учебно-методического кабинета Ленгорторготдела»[21].

То, что большинство перемещений по служебной лестнице было связано с решениями компетентных органов («по разверстке комсомола был командирован на рабфак», «мобилизован в счет парттысячи», «решением Бюро Ленинградского горкома ВКП(б) выдвинут на работу», «избран по решению Ленгорисполкома»), характеризует в целом систему трудовых отношений, сложившуюся в первые десятилетия советской власти, но дает мало материала для реконструкции межличностных отношений внутри кадрового корпуса. Фигуранты изученных нами личных дел лишь изредка прибегали к так называемому «авторитетному мнению». Так, И. Г. Венков все свои перемещения по службе сопроводил фамилиями (иногда даже с адресом проживания или номера телефона) сослуживцев, долженствующих, вероятно, в случае необходимости подтвердить факт его высоких моральных качеств и профессиональных навыков[22].

Огромное значение имело отражение в автобиографии общественной деятельности человека: годы членства в ВЛКСМ, для членов ВКП(б) — время вступления в партию, вид партийной и общественной работы, включая участие в выборных органах. Согласно «Памятке по составлению биографии», требовалось указать, состоял ли автор текста в других партиях (когда, где, в качестве кого), в частности в троцкистской, правой, национал-шовинистических и прочих контрреволюционных организациях; были ли отклонения от генеральной линии партии, колебания; если колебался, то по каким вопросам и как долго продолжались эти колебания; какую партработу выполнял в период борьбы с оппозицией 1921, 1923–1924, 1925–1927 гг. и в последующие годы; участвовал ли в антипартийной белорусско-толмачевской группировке и др.

Заметим, что нам пока не встретилось ни одной автобиографии, в которой описание было бы столь детализировано. Как правило, их составители имели безупречный в партийном отношении послужной список. Те же, кто не являлся членом ВКП(б), не просто объясняли отсутствие партбилета, но стремились компенсировать этот факт указанием на активную гражданскую позицию:

«В 1928 году я подавал заявление о приеме меня в партию, был принят местной парторганизацией, но не прошел в райкоме ВКП(б) якобы из-за отсутствия в Центр[альном] районе процентной нормы (как мне потом говорили)... За время гражданской службы я непрерывно занимал ряд выборных должностей по общественной работе, в месткомах, ревизионных комиссиях, экономкомиссии, производственном совещании, был членом президиума райсовета союза и др. В настоящее время (27 мая 1942 г. — *Е. Т.*) работаю председателем огородной комиссии Ленинграда»[23].

Знаковым для нашей страны событием, изменившим жизнь каждого из современников, стала революция 1917 г. Каждый из составителей автобиографии, освещая свое участие в революционном процессе, должен был «привязать» личную историю к коллективной истории страны. При этом следовало указать, какая работа велась против царского, белых или других буржуазных правительств; имелась ли связь с подпольными организациями или отдельными большевиками-революционерами (где, когда — подробно); подвергался ли автор преследованиям со стороны царского, белых или буржуазных правительств, интервентов и т. д., где, когда, за что, какими судебными или карательными органами.

Нельзя сказать, что среди ленинградских управленцев насчитывалось много активных участников событий 1917 г. Самый богатый революционный опыт (судя по изученным на сегодняшний день документам) имелся у А. Я. Иванова, подробно описавшего в автобиографии рабочее движение, наблюдать которое ему пришлось еще на рубеже веков: «В 1898 году я поступил в начальную школу. Мальчиком 9 лет был очевидцем революционного выступления рабочих фабрики “Максвель”, которое было во время забастовки на этой фабрике и известно в “Истории революционного движения”, как штурм полицейскими и войсками Максвелевской казармы. Я жил в этих казармах и видел избиение, истязания, которым подвергались рабочие. Это произвело на меня сильное впечатление, и уже с малых лет я стал ненавидеть полицию... По окончании школы в 1902 году в январе поступил работать рассыльным мальчиком на Невский Судостроительный и Механический завод, ныне завод им. Ленина... В декабре 1904 г. наш завод забастовал одним из первых в Петербурге, в поддержку забастовавшего Путиловского завода. 9-го января 1905 года я вместе со всеми рабочими Невской заставы пошел от Гапоновского собрания, которое находилось по Новопрогонному пер., с петицией к царю. Уже на Шлиссельбургском проспекте на нас налетели казаки с нагайками и шашками стали разгонять... Участие мое в революции 1905–1907 гг. выразилось в том, что я активно участвовал в забастовках, ходил останавливать мастерские (кузница, литейные), где было много рабочих, только что приехавших из деревни, которые не сразу прекращали работу, и приходилось останавливать машины и моторы, после чего они выходили на митинг. Участвовал в политических кружках и массовках, которые устраивались весной–летом 1905 года полулегально,

проводил денежные сборы на политические цели. В 1911 году исполнял различные поручения партийного (большевистского) кружка рабочих фабрики "Максвель"... как то: передача политической литературы, прокламаций, книг, газет, распространял прокламации... В 1912 году, когда начали легально выходить газеты "Правда" и "Звезда", я часто читал их вслух рабочим, разъясняя политический смысл статей, проводил сборы на рабочую печать. После реакции 1907–1911 года[24] наша фабрика в апреле 1912 года впервые забастовала, протестуя против Ленского расстрела, и вторично 1-го мая, за что владелец фабрики объявил локаут и рассчитал всех рабочих. А через некоторое время был объявлен новый набор, нас, группу человек в 25–30, управляющий отказался принять обратно как руководителей и только по настоянию рабочих мы были приняты, да еще потому, что в это время промышленность после кризиса 1907–1910 годов начала подниматься и рабочие мужчины стали уходить с фабрики на завод, где зарплата была выше... Управляющий знал о моей политической работе и заявил мне, что брать меня не следовало и что если я не прекращу политическую работу, то будет худо. Видя, что мне нужно отсюда уходить, я, подыскав себе работу, в августе 1912 года ушел с фабрики на Арматурно-электрический завод в Полюстрове. Работая на Арматурном заводе, я участвовал во всех забастовках, проводил подписку на рабочие газеты и был членом заводской комиссии по выработке устава Больничной кассы... В декабре 1914 года я вновь перешел на работу на Невский Судостроительный завод ввиду того, что я жил за Невской заставой и ходить 12 километров пешком было очень тяжело. В 1914 году я работал токарем в Пароходно-Механической мастерской. Здесь меня и застала февральская революция 1917 года. С первых дней я работал в Революционном комитете Шлиссельбургского подрайона (столовая Невского завода). В апреле 1917 года вступил в партию эсеров и в июне месяце того же года вышел из партии эсеров... С апреля месяца до июля 1917 года работал членом заводского Комитета. В июле 1917 года я вступил в Красную гвардию и участвовал в борьбе с отрядом генерала Корнилова. В Октябрьские дни нес охрану по Невскому району, состоя в сводном отряде при Невском штабе революционного комитета»[25].

Можно предположить, что А. Я. Иванов написал об этом для «Истории фабрик и заводов». Как известно, в конце сентября 1931 г. А. М. Горький выступил с призывом начать это издание «не с абстрактной истории рабочего класса, а с истории конкретных рабочих коллективов и предприятий»[26]. Материалом должны были послужить документальные свидетельства «передовых борцов за независимость пролетариата». Анкетно-биографической секцией Института истории Комакадемии были разработаны схемы-вопросники для участников и свидетелей событий революции 1905 и 1917 гг. Собранные воспоминания были «насыщены особой бодростью и революционным пафосом борьбы»[27]. Именно так можно охарактеризовать и процитированный нами автобиографический текст.

Наряду с революцией поворотными событиями в истории нашей страны являлись Гражданская и Великая Отечественная войны. Поэтому автобиографы обязательно отражали свое участие в боевых действиях: в каких боях и где, в составе какой части и на какой должности, имевшиеся ранения, контузии, увечья и награды. «Памяткой» предписывалось указать факт службы в царской, Белой армии или армии интервентов, в антисоветских националистических армиях (учредиловцы, петлюровцы, мусаветисты, дашнаки, меньшевики Грузии), в бандах Махно, Антонова и др.: когда, где, в качестве кого, как туда попал, когда, в какой части служил, сколько времени, участвовал ли в боях против частей Красной армии, когда и где; был ли в плену у белых или интервентов, когда и где и при каких обстоятельствах попал в плен, где служил и чем занимался во время нахождения в плену, когда и при каких обстоятельствах был освобожден из плена; если проживал на территории, занятой белыми и интервентами, надо было точно указать, когда, в каком возрасте и в качестве кого работал.

В просмотренных автобиографиях не упоминалось ни одного случая службы в антисоветских формированиях времен Гражданской войны. Но небольшой объем выборки не позволяет с уверенностью утверждать, что подобный факт биографии мог служить безусловным препятствием для карьеры.

Многие из тех, кто принимал участие в Первой мировой войне, подчеркивали, что были мобилизованы («по призыву») и служили рядовыми (или, будучи врачами, лекарями без звания). Даже имевшие чин царской армии стремились снять с себя моральную ответственность за участие в «империалистической бойне». В. В. Антонов так описывал свое вынужденное (и относительно кратковременное) пребывание в рядах царской армии: «За несколько месяцев до призыва моего 4 января 1916 года я поступил вольноопределяющимся в 6 Запасный саперный батальон, с тем чтобы остаться в Ленинграде и не ехать на фронт. В батальоне мне было предложено поступить в Инженерную школу прапорщиков, что мне пришлось сделать и через 6 месяцев <...> я был произведен в прапорщики саперных войск. В старой армии я прослужил до 31 декабря 1917 г., всего два года...»[28]

В. Г. Куцентов информацию о своем пребывании в плену, которая могла быть истолкована как компрометирующая, дополнял фактами, свидетельствующими о лояльности советскому строю: «Очутившись на фронте в Восточной Пруссии в качестве рядового пехотинца 105 Оренбургского полка, я при отступлении русской армии попал в конце января 1915 г. в плен к немцам, из которого вернулся в ноябре 1918 года. Начиная с 1919 года по сие время я нахожусь непрерывно на партийной, профсоюзной и хозяйственной работе, добросовестно выполняя все задания и поручения директивных и руководящих советских органов. В партию вступил кандидатом в ноябре 1919 г. Все проверки и чистки проходил без замечаний»[29].

Нормативное описание участия в Гражданской войне на стороне красных, напротив, предполагало добровольность: «Сразу после первых дней Февральской революции на заводе организуется красногвардейский отряд, в котором

принимаю активное участие как красногвардеец. В конце 1917 г. меня вместе с другими матросами посылают в Финляндию по вывозке оттуда наших судов. [В] 1918 г., по возвращении в Ленинград, вместе с матросским отрядом еду на фронт, где и провел всю гражданскую войну. За время нахождения на фронте имел четыре ранения и одну контузию»[30].

Даже в случае мобилизации выражение отношения к этому событию не должно было оставлять сомнений в добросовестном выполнении автобиографом боевого долга: «В сентябре 1939 г. был мобилизован в Красную Армию, участвовал в боях с финской белогвардейщиной, имею три благодарности от командования полков»[31].

Особый раздел автобиографии включал в себя освещение вопросов, связанных с привлечением к следствию и суду органами советской власти и наличием партийных взысканий. Определенный формуляр позволял избежать упоминания нелицеприятных фактов биографии, связанных с личной жизнью. В меньшей степени это касалось событий, связанных со служебной или общественной (партийной) деятельностью. Свободный стиль изложения позволял автору дать собственную оценку событиям, указать, что факты не подтвердились, взыскание снято и пр. Так, Л. Н. Левитская целую страницу своей автобиографии посвятила описанию несправедливого привлечения к партийной ответственности: «Осенью 1932 г. решением Ленинградского городского комитета ВКП(б) я была переведена на работу в Горздравотдел в качестве заместителя заведующего Горздравотделом и начальником Управления охраны материнства и младенчества. В этой должности я работала до июля 1937 г., в июле руководителем Горздравотдела я была от работы освобождена без объяснения причин. Позднее в августе 1937 г. на партийном собрании мне были предъявлены обвинения: невыполнение постановления правительства о строительстве родильных домов и яслей, о связи с арестованной тогда Кармановой[32] (б[ывшая] зам. наркома здравоохранения СССР), с которой, кстати сказать, у меня были лишь служебные отношения, и кроме того необдуманная рекомендация в члены ВКП(б) некоему Цацкину. Обсудив все эти обвинения, партийное собрание Горздравотдела объявило мне строгий выговор с предупреждением. Через месяц сектор кадров Горздравотдела направил меня на работу в качестве зам. директора в б[ольни]цу им. Фореля... В марте 1938 г. мое дело обсуждалось на Бюро Куйбышевского райкома ВКП(б), все обвинения с меня были сняты, так как выяснилось, что по выполнению закона правительства о строительстве детских яслей и родильных домов всё было выполнено. Карманова уже была освобождена из тюрьмы, восстановлена в члены ВКП(б) и назначена директором Института санитарного просвещения НКЗ СССР. На основании всего изложенного бюро райкома ВКП(б) решение партийной организации Горздравотдела о вынесении мне строгого выговора с предупреждением отменило, и ограничилось устным указанием в отношении дачи рекомендации»[33].

Любой человек, когда пишет о себе, подсознательно исключает или корректирует информацию, которая показывает его в невыгодном свете. Это характерно и для служебных автобиографий, поскольку от самопрезентации составителя могло зависеть его продвижение по карьерной лестнице. Как выразилась Ш. Фицпатрик, «биография, это универсальное советское удостоверение личности, являла собой произведение искусства, отделываемое со всей тщательностью»[34]. Например, И. М. Аншелес так описывал свой трудовой путь: «По окончании Гражданской войны оставлен в РККА до 1931 г. В 1931–1932 гг. работал в Казахстане по борьбе с малярией, оспой, сыпным тифом»[35]. На первый взгляд, ничего необычного для советского служащего. Однако из личного листка по учету кадров мы узнаём, что с ноября 1926 по январь 1931 г. он занимал пост заместителя начальника Военно-санитарного управления Ленинградского военного округа, где возглавлял Врачебно-санитарный отдел. Очевидно, что для перехода на должность директора малярийной станции в г. Уш-Тюбе должны были иметься очень веские причины. И действительно, в одном из разделов анкеты имеется информация, что по представлению коллегии ОГПУ в 1931 г. он был выслан в Казахстан на три года в административном порядке по обвинению (очевидно, надуманному) в неготовности к войне санитарной службы Ленинградского военного округа, и возвращен из ссылки досрочно[36].

Таким образом, мы видим, что автобиографии не могут служить источником полных сведений о карьерных практиках управленцев и не позволяют сделать однозначные выводы о причинах их восхождения к власти. Пожалуй, единственным общим признаком, который объединял когорту ленинградских блокадных руководителей, служила готовность их менять участок работы по усмотрению вышестоящего руководства. Может ли это служить основанием для заключения о недостаточной их самостоятельности в принятии решений? Если да, то не являлось ли это одной из причин неготовности Ленинграда к блокаде? Как сказывалась эта особенность на работе в чрезвычайных условиях изоляции от Центра? Служебные автобиографии на эти вопросы ответа не дают, хотя и обрисовывают вполне узнаваемые социальные типажи: кто-то (как С. А. Трифонов) акцентировал внимание на общественной работе, последовательно перечисляя свои должности в выборных комсомольских, а затем и партийных органах; кто-то (как Л. А. Эмдин) основной упор делал на профессиональных достижениях; кто-то вообще предпочитал как можно меньше распространяться о подробностях своей жизни, дублируя в автобиографии ответы на вопросы из листка по учету кадров, так что она представляла собой лишь хронику событий, лишенную всяких комментариев. В любом случае очевидно, что представители ленинградского руководства создавали свои тексты сообразно образцу, существующему как де-факто (в виде предписанного для обязательного отражения перечня вопросов), так и в общественном сознании (в виде социально одобряемых норм). То, что «Памятка по составлению биографии» встретилась нам в делах по личному составу лишь единожды, может свидетельствовать

о том, что составители документов, даже не имея перед глазами такой «подсказки», ориентировались в той или иной степени на советский делопроизводственный канон.

Список авторов процитированных автобиографий

Андреенко Иван Андреевич — зам. председателя Ленгорисполкома, зав. Отделом торговли

Антонов Василий Васильевич — зав. Планово-финансовым сектором Ленгороно

Аншелес Илья Маркович — нач. Противоэпидемического управления Ленгорздравотдела

Басов Михаил Васильевич — секретарь ГК ВКП(б) по оборонной промышленности, зав. Отделом машиностроительной промышленности ГК ВКП(б)

Белецкая Мария Алексеевна — зав. Приморским районо, зав. Школьным сектором Ленгороно

Венков Иван Герасимович — зав. Сектором детдомов Ленгороно

Волчок Залман Иосифович — зам. зав. Ленгорздравотдела по охране детства

Гуляева Клавдия Никитична — зав. Сектором образования взрослых Ленгороно

Иванов Александр Яковлевич — исполняющий обязанности зам. зав. Ленгороно, зав. Планово-финансовым сектором Ленгороно

Коновалов Николай Александрович — нач. Управления торговли продтоварами

Куцентов Василий Гаврилович — зам. зав. Отделом торговли Ленгорисполкома

Лазутин Петр Георгиевич — зав. Отделом общественного питания, торговли и пищевой промышленности ГК ВКП(б)

Левитская Лидия Наумовна — председатель Городского комитета Общества Красного Креста

Паллерштейн Давид Маркович — первый зам. зав. Ленгорздравотделом

Попков Петр Сергеевич — председатель Ленгорисполкома

Решкин Василий Макарович — зам. председателя Ленгорисполкома

Сусляков Владимир Никифорович — зав. Отделом социального обеспечения

Тарасова В. А. — нач. Сектора детей и подростков Ленгорздравотдела

Трифонов Сергей Андреевич — нач. городского Управления по выдаче продовольственных и промтоварных карточек

Фельдман Арон Израилевич — нач. Главного управления ленинградских столовых, ресторанов и кафе

Эмдин Лев Абрамович — до 31 мая 1941 г. зав. Ленгорздравотделом

1 *Репина Л. П.* Персональная история и интеллектуальная биография // Диалог со временем. М., 2002. Вып. 8: Персональная история и интеллектуальная биография. С. 8.
2 Источниковедение / А. В. Сиренов, Е. Д. Твердюкова, А. И. Филюшкин. М., 2015. С. 300–301.
3 Интервью с Игалом Халфиным и Йоханом Хелльбеком // Ab imperio. 2002. № 3. С. 224.
4 *Зарецкий Ю. П.* История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Неприкосновенный запас. 2012. № 3. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/z18.html (дата обращения 25.05.2019). Необходимо уточнить, что в фокусе его исследований находятся преимущественно литературные жизнеописания.
5 Памятка по составлению биографии // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 34. Д. 1318. Л. 17.
6 Автобиография П. Г. Лазутина // Там же. Д. 1318. Л. 6; Автобиография И. А. Андреенко // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 220474/1. Л. 7; Автобиография А. И. Фельдмана // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 10. Д. 2894. Л. 3.
7 Автобиография М. А. Белецкой // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 810213/1. Л. 10.
8 Автобиография В. Г. Куцентова // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 34. Д. 1302. Л. 9.
9 Автобиография К. Н. Гуляевой // Там же. Д. 672. Л. 5.
10 *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 111.
11 Автобиография П. С. Попкова // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 34. Д. 1783. Л. 71.
12 Автобиография Н. А. Коновалова // Там же. Д. 1179. Л. 9.
13 Автобиография В. В. Антонова // Там же. Д. 91. Л. 6. В описях РГИА фирма «Ф. Рауль» значится как торговая, так что, возможно, и здесь имело место «приписывание» к классу-гегемону.
14 Копия удостоверения, выданного Басовой Марии Михайловне // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 220460/5. Л. 5.
15 Автобиография В. Н. Суслякова // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 34. Д. 2076. Л. 9.
16 Автобиография З. И. Волчок // Там же. Д. 476. Л. 6.
17 Автобиография Д. М. Паллерштейна // Там же. Оп. 10. Д. 2054. Л. 8.
18 Автобиография П. С. Попкова. Л. 31.
19 Автобиография Д. М. Паллерштейна. Л. 10–11.
20 Автобиография В. А. Тарасовой // Там же. Оп. 34. Д. 2038. Л. 8.
21 Автобиография С. А. Трифонова // Там же. Д. 2166. Л. 5–6.
22 Автобиография И. Г. Венкова // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 19. Д. 864050. Л. 5.
23 Автобиография В. В. Антонова. Л. 7. Очевидно, речь идет о процентной норме рабочих, а по данным анкетного листа, в 1928 г. Антонов являлся бухгалтером-ревизором Херсонского областного земельного управления.
24 Так в тексте.
25 Автобиография А. Я. Иванова // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 412936. Л. 5–7.
26 *Журавлев С. В.* Феномен «истории фабрик и заводов»: горьковские начинания в контексте эпохи 1930-х годов. М., 1997. С. 3.
27 Инструкция по организации и проведению опросов рабочих и собиранию воспоминаний // История пролетариата СССР. 1931. № 8. С. 185.
28 Автобиография В. В. Антонова. Л. 6.
29 Автобиография В. Г. Куцентова. Л. 9.
30 Автобиография В. М. Решкина // ЦГА СПб. Ф. 7384. Д. 1847. Л. 12.
31 Автобиография З. И. Волчок. Л. 6.
32 Карманова Екатерина Гордеевна (1897–1971) — заместитель наркома здравоохранения СССР, была арестована в 1937 г., затем освобождена и возглавила Институт санитарного просвещения.
33 Автобиография Л. Н. Левитской // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 34. Д. 1350. Л. 8.
34 *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! С. 110.
35 Автобиография И. М. Аншелеса // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 34. Д. 100. Л. 4 об.
36 Анкетный лист И. М. Аншелеса // Там же. Л. 8.